

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОСТИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Ю. С. Федотов, Е. Ю. Талалаева

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 4 февраля 2019 г.

Аннотация: в работе представлен анализ оригинального мировоззрения Людвиг Витгенштейна, основной целью которого является поиск ответа на вопрос: насколько применимо к определению личности философа понятие «религиозность». Особую актуальность результаты проведенного исследования имеют для адекватного определения значения и влияния идей Витгенштейна на формирование и развитие различных областей знания современной науки, в частности на оживленные дискуссии в сфере философии религии. Авторами обосновывается позиция, согласно которой религиозность, преимущественно выражаемая мистическими воззрениями австрийского мыслителя, оставила глубокий след в его философствовании.

Ключевые слова: Витгенштейн, религиозность, мистицизм, философия религии, мистическое, Логико-философский трактат.

Abstract: the article analyzes the original worldview of Ludwig Wittgenstein to find the answer to the question of how the notion of “religiosity” is applicable to the definition of the philosopher’s personality. The study’s results play an important role in determining the significance and influence of Wittgenstein’s ideas on the formation and development of various areas of knowledge in modern science, especially for lively discussions in the field of the philosophy of religion. The authors concluded that Wittgenstein’s religiosity is mainly expressed by his mystical views and left a deep imprint on his philosophizing.

Key words: Wittgenstein, religiosity, mysticism, philosophy of religion, mystery, the Tractatus Logico-Philosophicus.

В случае объявления конкурса на звание автора, вписавшего самые яркие и оригинальные страницы в историю философии XX в., имя Людвиг Витгенштейна, несомненно, будет внесено в список наиглавнейших претендентов. Самобытный, нестандартно мыслящий философ своей экспрессивностью умел завораживать слушателей. Он был опытным бойцом-полемистом и не понимал философов, не принимавших участия в дебатах, сравнивая их с боксерами, избегающими ринга [1, р. 106]. Сам Витгенштейн без труда находил для своих оппонентов весьма весомые, иногда в прямом смысле термина («кочерга Витгенштейна»), аргументы. Но что касается письменного слова, австрийский мыслитель не обременял себя трудом объяснения смысла своих афо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ».

ризмов. Он считал, что всякое объяснение портит первозданную красоту идеи. Возможно, поэтому его философия бывает так трудна для понимания и неоднозначна в интерпретации.

Однако лично Витгенштейн причиной непонимания видел банальную человеческую гордыню, мешающую снизойти до восприятия. Видимо, в этом грехе философ подозревал своих экзаменаторов Б. Рассела и Дж. Мура. Защищая докторскую диссертацию, он похлопал каждого из них по плечу со словами утешения: «Не переживайте, я знаю, вы никогда этого не поймете» [2, с. 281]. Витгенштейн полагал, что гордыня и ложь не щадят даже самые «блестящие мозги», тщеславие и вовсе – «смерть мышления» [3, с. 437]. Поэтому, чтобы иметь возможность правильно и глубоко мыслить, прежде «нужно разрушить здание собственной гордыни, а это ужасная работа» [там же, с. 138].

Витгенштейн решил избавиться от этих грехов с помощью исповеди самым близким друзьям. Во время одного из исповедальных сеансов на недоуменный вопрос Фани Паскаль он произнес: «Конечно, я хочу быть совершенным» [4, с. 124]. Сразу вспоминаются слова из Евангелия: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». Но что стояло за подобным поведением философа – набожность религиозного человека или нездоровое суеверие?

Исследователю витгенштейнианства важно выяснить, насколько была присуща личности мыслителя религиозность. Это необходимо знать при изучении влияния его идей на научные и околonaучные споры по религиозной проблематике, по-прежнему такой важной для жизни общества. Здесь в качестве примера можно привести почти тридцатилетнюю дискуссию Кая Нильсена с теми, кого он считал витгенштейнианскими фидеистами [5].

Все биографы австрийского философа считают, что изучение его творческого наследия необходимо осуществлять в неразрывной связи с обзором биографии мастера. Видимо, поэтому один из самых популярных трудов по философии Витгенштейна написан в жанре интеллектуальной биографии [2]. Чтобы прояснить интересующий нас вопрос, обратимся к некоторым моментам его жизнеописания, дневникам и авторским афоризмам.

Известно, что маленький Людвиг воспитывался в католической традиции. Поступая в реальное училище, он идентифицировал себя в анкете как католика. По мнению В. П. Руднева, данный факт удерживал суицидально настроенного подростка от беды [6, с. 25]. Но это скорее было связано не с чувством веры, а с суровым чувством долга по принципу «назвался груздем – полезай в кузов». Детскую же веру в Бога, по мнению Р. Монка, Витгенштейн утратил с поступлением в училище [2, с. 34]. Впоследствии Б. Рассел описывал молодого Витгенштейна (1912) как плохо относящегося к христианам, которые хуже, чем он сам. Правда, обосновывается это всего на одном наблюдении и

в отношении единственного представителя [там же, с. 60]. Тем более кажется странным, что примерно в это же время студент посещает христианские чтения в часовне колледжа. А еще он изучает «Многообразие религиозного опыта» У. Джеймса – книгу, помогавшую ему избавиться от состояния тревоги и беспокойства [там же, с. 67].

Первые ростки религиозного самосознания проклюнулись еще раньше. Н. Малкольм со слов первоисточника утверждает, что в 21 год Витгенштейн отчетливо испытал возможности религии, пережив опыт, впоследствии названный «чувством абсолютной безопасности» [7, р. 7]. Кстати, Малкольм первым системно исследовал вопрос религиозности своего наставника. Побудительным мотивом стала фраза, произнесенная Витгенштейном в разговоре с М. Друри: «Я не религиозный человек, но я не могу не видеть каждую проблему с религиозной точки зрения» [1, р. 151]. И действительно, здесь напрашивается вывод о противоречии уже с точки зрения метафизики Витгенштейна. Каким образом «нерелигиозный человек» может играть в религиозные языковые игры внутри соответствующей формы жизни? Скорее всего, за термином «религиозный человек» скрывается неоднозначное понятие.

«Привить веру в Бога способна жизнь» [3, с. 477], особенно на грани со смертью. Возможно, будучи не вполне еще религиозным, Витгенштейн в августе 1914 г. добровольцем уходит на войну. Служба на военном корабле, потом долгое пребывание в окопах на передовой под обстрелом противника сделали свое дело. Все биографы философа утверждают о религиозном обращении Витгенштейна, состоявшемся в годы первой мировой войны. В самые тяжелые моменты он неистово молился Богу, но не о физическом выживании, а о сохранении чувства собственного достоинства: «Я боюсь не того, что погибну, но того, что не выполню подобающе свой долг. Боже, дай мне силы! Аминь. Аминь. Аминь» [8, р. 250]. В войне философ видел, прежде всего, экзамен на зрелость, способ инициации: «Со мной Бог! Теперь, когда я смотрю смерти в лицо, мне представляется случай быть порядочным человеком. Пусть Дух просветит меня» [там же].

И Дух просветил его через «Краткое изложение Евангелия» Л. Н. Толстого. Эта книга, приобретенная в Галиции в первые месяцы войны, стала для Витгенштейна и духовным путеводителем, и талисманом на протяжении самых тяжелых кампаний. Увлечение еретическим толкованием Священного Писания, частое обращение к абстрактному Духу, а не к персонифицированному Богу, как мы видим из «Тайных дневников», указывает на наличие маркеров нетрадиционного выражения религиозного чувства. Это вполне закономерно. Несмотря на оригинальность, духовный мир Витгенштейна был продуктом взрастившей его культуры. Характерной чертой религиозной жизни того времени стал *мистицизм*.

Современник австрийца, немецкий социолог Э. Трёльч охарактеризовал мистицизм как религиозное течение, распространенное в основном в среде образованных интеллектуалов. В отличие от объединений церковного и сектового типов мистицизм допускал крайние формы религиозного индивидуализма и самые независимые взгляды на христианские истины [9, р. 381]. Исходя из этого в данном контексте мы могли бы идентифицировать Витгенштейна как мистика-индивидуалиста. Отчасти такие выводы подтверждаются философом в более зрелом возрасте: «Насколько мы можем судить, религия будущего будет без каких-либо священников и служителей. Я думаю, что одна из вещей, которые вы и я должны узнать, это то, что мы должны жить без утешения принадлежности к церкви» [1, р. 104].

Что же в таком случае делать с «религиозным человеком»? По-видимому, испытав религиозное обращение, Витгенштейн чуть позже по-философски отрефлексировал пережитый опыт. Если почти каждая дневниковая запись, составленная в горниле Брусиловского прорыва, заканчивается взыванием к Богу: «Господи, придай мне радости; Господи, укрепи меня!; Да поможет Бог» [8, с. 298], – то спустя полтора года в послании к П. Энгельману, он уже критически относится к собственному чувству: «Это же очевидно, что у человека, который, так сказать, хочет изобрести приспособление, чтобы стать порядочным, у этого человека нет веры» [там же, с. 307]. Но нам трудно представить этого философа полностью лишившимся религиозного сознания. Скорее он его только переформатировал: «То, как ты употребляешь слово “Бог”, показывает не кого ты имеешь в виду, а что ты имеешь в виду» [3, с. 286]. Он посчитал неправильным использовать веру в качестве внешнего инструмента для решения личностных проблем. Решение – внутри.

Согласно типологии верующих Ф. Уэсли, Витгенштейна можно было бы отнести к тем, кто ищет сакральный объект внутри человеческой души [10, р. 25]. Этот «объект» и есть *мистическое*, упоминаемое философом в его ранних афоризмах. Витгенштейн ищет его параллельно с решением логических задач, и сам не догадывается о том. Он был глубоко поражен открытием П. Энгельмана, ознакомившегося с «Логико-философским трактатом»: «Логика и мистицизм произрастают здесь из одного корня» [2, с. 164]. Разумеется, мистицизм, о котором идет речь, пребывает за рамками традиционных конфессий и религиозных институтов. Но он и не «любопытный вид логического мистицизма», по терминологии Б. Рассела [там же, с. 178]. Это тот самый мистицизм, из которого произрастают религиозные гении или одержимые идеями философы и ученые. А поскольку существует буддизм, где отсутствует понятие Бога как Абсолюта, имеем ли мы право отказывать мистицизму Витгенштейна в религиозности?

К тому же, выйдя за рамки традиции, он не порвал с христианством. Он всегда был очарован идеей спасения и нисколько не сомневался, что «христианство – единственная надежная дорога к счастью» [8, с. 275]. Но философ не чувствовал себя путником на этой дороге. Критическое мышление мешало восприятию некоторых христианских догм («во многой мудрости много печали»). Это было трагедией. В приливе депрессии он писал о своем состоянии: «неверующий, злой, мрачный» [2, с. 395]. И все же в глубине души Витгенштейн надеялся хотя бы на посмертное возвращение в лоно материнской конфессии. Друри писал: «Я вспомнил случай, когда Витгенштейн сказал, что он надеется, что его друзья-католики помолятся за него» [1, р. 144]. Так и произошло, отпевал философа католический священник.

У нас нет ни возможности, ни полномочий измерять глубину религиозности чьей-то личности. Зато есть твердая уверенность в некоторых вещах. Человек, однажды испытавший религиозное пробуждение, уже никогда не сможет отмежеваться от этого чувства. И еще, степень религиозности человека не зависит от наличия или отсутствия факта воцерковленности. Мы не знаем, почему Витгенштейн назвал себя человеком не религиозным. Возможно, в той фразе он попытался выразить то, чего нельзя высказать, – потаенное мистическое, составляющее основу его религиозного самосознания. В результате – сказал бессмыслицу. Более осмысленным, на наш взгляд, является заявление Малкольма, близко знавшего философа: «Зрелая жизнь Витгенштейна была крепко отмечена религиозной мыслью и чувством <...>, он был более глубоко религиозным, чем многие люди, которые правильно [по формальным признакам] считают себя верующими» [7, р. 22]. Это, пожалуй, будет верным ответом на вопрос о религиозности австрийского философа.

Литература

1. *Drury M. The Selected Writings of Maurice O'Connor Drury : on Wittgenstein, Philosophy, Religion and Psychiatry / M. Drury. – London : Bloomsbury Academic, 2017. – 528 p.*
2. *Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения / Р. Монк ; пер. с англ. А. Васильева ; науч. ред. и прим. В. Анашвили. – М. : Дело, 2018. – 624 с.*
3. *Витгенштейн Л. Культура и ценность : пер. с нем. / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские исследования. Часть I. – М. : Гнозис, 1994. – С. 407–492.*
4. *Паскаль Ф. Витгенштейн : личные воспоминания / Ф. Паскаль // фон Вригт Г. Людвиг Витгенштейн. Человек и мыслитель. – М. : Прогресс : Культура, 1993. – 350 с.*
5. *Nielsen K. Wittgensteinian Fideism? / K. Nielsen, D. Z. Phillips. – London : SCM Press, 2005. – 383 p.*
6. *Руднев В. П. Божественный Людвиг Витгенштейн : формы жизни / В. П. Руднев. – М. : Прагматика культуры, 2002. – 256 с.*

7. *Malcolm N. Wittgenstein : a Religious Point of View?* / N. Malcolm. – London : Routledge, 1993. – 140 p.

8. *Витгенштейн Л. Тайные дневники* / Л. Витгенштейн // Дневники 1914–1916 / под общ. ред. В. А. Суровцева. – М., 2015. – 415 с.

9. *Troeltsch E. The Social Teachings of the Christian Churches* / E. Troeltsch. – Louisville : London : Westminster John Knox Press, 1992. – Vol. 1. – 572 p.

10. *Westley F. The Complex Forms of the Religious Life : a Durkheimian View of New Religious Movements* / F. Westley. – CA : Scholars Press, 1983. – 199 p.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Федотов Ю. С., аспирант кафедры философии и методологии науки
E-mail: fedotov.yur@mail.ru

Талалаева Е. Ю., ассистент кафедры философии и методологии науки
E-mail: kater-.ina@mail.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Fedotov Yu. S., Post-graduate Student of the Philosophy and Methodology of Science Department
E-mail: fedotov.yur@mail.ru

Talalaeva E. Yu., Assistant Lecturer of the Philosophy and Methodology of Science Department
E-mail: kater-.ina@mail.ru

Ю. С. Федотов, Е. Ю. Талалаева. Религиозный аспект личности...